

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин

Первое знакомство с городом

Перед самой войной повез нас отчим в город Б. Это – ближайший от нас, весь почти деревянный, бывший купеческий, ровный и грязный.

Как горько мне было уезжать! Я невзлюбил отчима и, хоть не помнил родного отца, думал: будь он с нами, тятя-то, никуда бы мы не засобирались ехать. Назло отчиму (теперь знаю: это был человек редкого сердца – добрый, любящий... Будучи холостым парнем, он взял маму с двумя детьми), так вот назло отчиму, папке назло – чтобы он разозлился и пришел в отчаяние, – я свернул огромную папиросу, зашел в уборную и стал "смолить" – курить. Из уборной из всех щелей повалил дым. Папка увидел... Он никогда не бил меня, но всегда грозился, что "вольет". Он распахнул дверь уборной и, подбоченившись, стал молча смотреть на меня. Он был очень красивый человек, смуглый, крепкий, с карими умными глазами... Я бросил папироску и тоже стал смотреть на него.

– Ну? – сказал он.

– Курил... – Хоть бы он ударил меня, хоть бы щелкнул разок по лбу, я бы тут же разорался, схватился бы за голову, испугал бы маму. Может, они бы поругались и, может, мама заявила бы ему, что никуда она не поедет, раз он такой – бьет детей.

– Я вижу, что курил. Дурак ты, дурак, Ванька... Кому хуже-то делаешь? Мне, что ли? Пойду сейчас и скажу матери...

Это не входило в мои планы, и это могло мне выйти боком – мама-то как раз и отстегала бы меня. Я догнал папку...

– Папка, не надо, не ходи!

– Зачем ты куришь, дурачок, с таких лет? Ведь это ж сколько никотину скопится за целую жизнь! Ты только подумай, голова садовая. Скажи, что больше не будешь, – не пойду к матери.

– Не буду. Истинный мой Бог, не буду.

– Ну смотри.

... И вот едем в город – переезжаем. На телеге наше добро, мы с Талей сидим на верхотуре, мама с папкой идут пешком. За телегой, привязанная, идет наша корова Райка.

Тая, маленькая сестра моя, радуется, что мы едем, что нам еще далеко-далеко ехать. Невдомек ей, что мы уезжаем из дома. Вообще-то мне тоже нравится ехать. Вольно кругом, просторно... Степь. В травах стоит несмолкаемая трескотня: тысячи маленьких неутомимых кузнецов бьют и бьют крохотными молоточками в звонкие наковаленки, а сверху, из жаркой синевы, льются витые серебряные ниточки... Наверно, эти-то тоненькие ниточки и куют на своих наковаленках маленькие кузнецы и развешивают сверкающими паутинками по траве. Рано утром, когда встает солнце, на ниточки эти, протянутые от травинки к травинке, кто-то нанизывает изумрудный бисер – зеленое платье степи блестит тогда дорогами нарядами.

Мы останавливаемся покормиться.

Папка выпрягает коня, пускает его по бережку. Райка тоже пошла с удовольствием хрумтеть сочным разнотравьем. Мы раскладываем костерок – варить пшеничную кашу. Хорошо! Я даже забываю, что мы уезжаем из дома. Папка напоминает:

– Вот здесь наша река последний раз к дороге подходит. Дальше она на запад поворачивает.

Мы все некоторое время молча смотрим на родимую реку. Я вырос на ней, привык слышать днем и ночью ее ровный, глуховатый, мощный шум... Теперь не сидеть мне на ее берегах с удочкой, не бывать на островах, где покойно и прохладно, где кусты

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru ломаются от всякой ягоды: смородины, малины, ежевики, черемухи, облепихи, боярки, калины... Не заводиться с превеликим трудом – так, что ноги в кровь и штаны на кустах оставишь – бечевой далеко вверх и никогда, может быть, не испытать теперь величайшее блаженство – обратный путь домой. Как нравилось мне, каким взрослым, несколько удрученным заботами о семье мужиком я себя чувствовал, когда собирались вверх "с ночевой". Надо было не забыть спички, соль, ножик, топор... В носу лодки свалены сети, невод, фуфайки. Есть хлеб, картошка, котелок. Есть ружье и тугой, тяжелый патронташ.

– Ну все?

– Все вроде...

– Давайте, а то поздно уже. Надо еще с ночевкой устроиться. Берись!

Самый хитрый из нас, владелец ружья или лодки, отправляется на корму, остальные, человека два-три, – в бечеву. Впрочем, мне и нравилось больше в бечеве, правда, там горсть смородины на ходу слупишь, там второпях к воде припадешь горячими губами, там надо вброд через протоку – по поясу... Да еще сорвешься с осклизлого валуна да с головой ухнешь... Хорошо именно то, что все это на ходу, не нарочно, не для удовольствия. А главное, ты, а не тот, на корме, основное-то дело делаешь...

Эх, папка, папка! А вдруг да у него не так все хорошо пойдет в городе? Ведь едем-то мы – попробовать. Еще неизвестно, где он там работу найдет, какую работу? У него ни грамоты большой, ни специальности. И вот надо же – поперся в город и еще с собой трех человек потащил. А сам ничего не знает, как там будет. Съездил только, договорился с квартирой, и все. И мама тоже... Куда согласилась? Последнее время, я слышал, все шептались по ночам: она вроде не соглашалась. Но ей хотелось выучиться на портниху, а в городе есть курсы... Вот этими курсами-то он ее и донял. Согласилась. Попробуем, говорит. Ничего, говорит, продавать не будем, лишнее, что не надо, рассуем для хранения по родным и поедем, попробуем. А папке страсть как охота куда-нибудь на фабрику или в мастерскую какую – хочется ему стать рабочим, и все тут. Ну, вот и едем.

... Приехали в город затемно. Я не видел его. Папка чудом находил дорогу: сворачивали в темные переулки, громыхали колесами по бульжнику улиц... Раза два он только спрашивал у встречных, встречные объясняли что-то на тарбарском языке: надо еще до конца Осоавиахимовской, потом свернуть к Казармам, потом будет Дегтярный... Папка возвращался к нам и говорил, что все правильно – верно едем. Мы с Талей и мама притихли. Только папка один храбрился, громко говорил... Наверно, чтоб подбодрить нас.

По бокам темных улиц и переулков стояли за заборами большие дома. В окнах яркий свет.

– Господи, да когда же приедем-то? – не выдержала мама. Это же самое удивляло и меня: казалось, что мы, пока едем по городу, проехали пять таких деревень, как наша. Вот он, город-то!

– Скоро, скоро, – бодрится папка. – Еще свернем на одну улицу, потом в переулок – и дома.

Дома!.. Смелый он человек, папка. Я его уважаю. Но затею его с городом все-таки не могу принять. Страшно здесь, все чужое, можно легко заблудиться.

Не заблудились. Подъехали к большому дому, папка остановил коня.

– Здесь. Счас скажу, что приехали...

– Скорей там, – велит мама.

– Да скоро! Скажу только...

В переулке темно. Я чувствую, мама боится, и сам тоже начинаю бояться. Одной Тале – хоть бы хны.

– Мам, мы тут жить станем?

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Тут, доченька... Заехали!

– Уговори ты его назад, домой, – советую я.

– Да теперь уж... Вот дура-то я, дура!

Папки, как на грех, долго нету. В доме горит свет, но забор высокий, ничего в окнах не видать.

Наконец появился папка... С ним какой-то мужик.

– Здравствуйте, – не очень приветливо говорит мужик. – Заезжай, я покажу, куда ставить. Барахла-то много?

– Откуда!.. Одежонка кой-какая да постелишка.

– Ну, заезжайте.

Пока перетаскивают наши манатки, мы сидим с Талей в большой, ярко освещенной комнате на сундуке в углу. В комнату вошел долговязый парнишка... с самолетом. Я прирос к сундуку.

– Хочешь подержать? – спросил парнишка.

Самолет был легкий, как пушинка, с тонкими размашистыми крыльями, с винтиком впереди... Таля тоже потянулась к самолету, но долговязый не дал.

– Ты изломаешь.

Талья захныкала и все тянулась к самолету – тоже подержать. Долговязый был неумолим. И во мне вдруг пробудилось чудовищное подхалимство, и я сказал строго:

– Ну чего ты? Изломаешь, тогда что?! – Мне хотелось еще разок подержать самолет, а чтоб долговязый дал, надо, чтоб Талья не тянулась и нечаянно не выхватила бы его у меня.

Тут вошли взрослые. Отец долговязого сказал сыну:

– Иди спать, Славка, не путайся под ногами.

Когда остались мы одни, я вдруг обнаружил, что свет-то – с потолка!.. Под потолком висела на шнуре стеклянная лампочка, похожая на огурец, а внутри лампочки – светлая паутинка. Я даже вскрикнул:

– Гляньте-ка!..

– Ну что? Электричество. Ты, Ванька, поменьше теперь ори – не дома.

Тут вступилась мама:

– Парнишке теперь и слова нельзя сказать?

– Да говори он сколько влезет – потихоньку. Чего заполошничать-то.

Они еще поговорили в таком духе – частенько так разговаривали.

– Завез, да еще недовольный..

– Ну и давай теперь на каждом шагу: "Гляди-ка! Смотри-ка!" Смеяться ведь начнут.

– Ну и не одергивай каждый раз парнишку!

– Погоди, сядет он тебе на шею, если так будешь...

А как, интересно? Самого отца чуть не до смерти зашиб на покосе за то, что он, мальчишкой, побоялся распутать и обратить шкодливую кобылу – лягалась... Сам же нет-нет да вспомнит про это и обижается на своего отца. Его тогда,

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru маленького-то, насилу откачала мать, бабушка наша неродная. А на шею я никому не сяду, не надо этого бояться.

Мы легли спать.

Долго мне не спалось. Худо было на душе. За стеной громко, с присвистом храпел хозяин, чуждо гудели под окнами провода, проходили по улице – группами – молодые парни и девки, громко разговаривали, смеялись. Почему-то вспомнилось, как родной наш дедушка, когда выпьет медовухи, всякий раз спрашивает меня:

– Ванька, какое самое длинное слово на свете?

Я давно знаю, какое, а чтоб еще раз услышать, как он выговаривает это слово, хитрю:

– Не знаю, деда.

– А-а!.. – И начинает: – Интре.. интренацал.. – И потом только одолевает: – Ин-тер-на-ци-о-нал! Мы покатываемся со смеху – мама, я и Таля.

– Эх вы!.. Смешно? – обижается дедушка. – Ну, валяйте, смейтесь.

Можно бы сейчас написать, что в ту ночь мне снились большие дома, самолет, лампочка... Можно бы написать, но не помню, снилось ли. Может, снилось.

Утром я проснулся оттого, что прямо под окном громко сморкался хозяин и приговаривал:

– Ты гляди што!.. Прямо круги в глазах.

Мамы и папки не было. Таля спала. Я стал думать: как теперь пойдет жизнь? Дружков не будет – они, говорят, все тут хулиганистые, еще надают одному-то. Речки тоже нету. Она есть, сказывал папка, но будет далеко от нас. Лес, говорит, рядом, там, говорит, корову будем пасти. Но лес не нашенский, не острова – бор, – это страшновато. Да и что там, в бору-то? – грузди только.

Тут вдруг в хозяйской половине забегали, закричали... Я понял из криков, что Славка засадил в ухо горошину. Всем семейством они побежали в больницу. Я встал и пошел в их комнату – посмотреть, какие в городе печки. Говорили, какие-то чудные. Открыл дверь... и не печку увидел, а аккуратную белую булочку на столе. Потом я узнал, что их зовут – сайки. Никого в комнате не было. Я подошел к столу взял сайку и пошел к Тале. Она как раз проснулась.

– Ой! – сказала она. – Дай-ка мне.

– Всю, что ли?

– Да зачем?.. Смеряй ниточкой да отломи половинку. Это мама купила?

– Дали. Славка дал.

Разломил саечку и стали есть, сидя на кровати. Никогда не ел такого вкусного хлеба. До чего же душистый, мягкий, чуть солоноватый, даже есть жалко; я все поглядывал, сколько осталось. Мы не услышали, как открылась дверь... Услышали:

– Уже пакостить начали? – С порога на нас глядела хозяйка. У меня все оборвалось внутри.

– Зачем ты взял сайку?

И – вот истинный Бог, не вру – я сказал:

– Я думал, она чужая.

– Чужая... Нехорошо так делать. Это – воровство называется. Я вот скажу отцу с матерью...

Что-то я вконец растерялся... Вдруг спросил:

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Горошину-то вытащили?

– О какой! – удивилась хозяйка. – Хитрит еще. – И ушла.

Мне стало совсем немого.

– Пойдем домой? – предложил я Тале.

– Счас, давай только доедим, – легко согласилась она. Она твердо помнила наказ мамы: не есть на ходу, а – сядь, съешь, чего у тебя там есть, тогда уж ходи или бегай.

Я увидел в окно, что хозяйка пошла в сарай, и заторопил Талю. Она было заупрямилась, но все же пошла.

Я помнил, что мы к воротам подъехали слева, если стоять к ним лицом, значит, теперь надо – вправо. Пошли вправо. Дошли до перекрестка... Я не знал, как дальше. Спросил какого-то дяденьку:

– Как бы нам до Ч-ского тракта дойти?

– А зачем? – спросил дяденька.

– Нам мама сказала туда идти. Она нас там поджидает. – Раньше всего другого, что значительно облегчает эту жизнь, я научился врать. И когда врал и мне не верили, я чуть не плакал от обиды. Дяденька внимательно посмотрел на меня, на Талю... И показал:

– Вот так прямо – до перекрестка, потом улица налево пойдет – по ней, а там, как дойдешь до водонапорной башни, большая такая, там спроси снова.

От водонапорной башни дорогу дальше показала тетенька и даже прошла с нами немного.

Долго ли, коротко ли мы шли, а к Ч-скому тракту вышли. Там мы сели на взгорок и стали ждать, кто бы нас подвез до нашей деревни. Там, на взгорке, к вечеру уже, нашли нас мама с папкой. Тая плакала – хотела есть, мной потихоньку овладевало отчаяние...

– Таленька!.. Доченька ты моя-а!..

Я думал, мне крепко влетит. Нет, ничего.

Скоро началась война. Мы вернулись в деревню...

Папку взяли на войну.

В 1942 году его убили.

Гоголь и Райка

В войну, с самого ее начала, больше всего стали терзать нас, ребяташек, две беды: голод и холод. Обе сразу наваливались, как подступала бесконечная наша сибирская зима со своими буранами и злыми морозами. Летом – другое дело. Летом пошел поставил на ночь перемета три-четыре, глядишь, утром – пара налимов есть. (До сего времени сладостно вздрагивает сердце, как вспомнишь живой, трепетный дерг бечеvy в руках, чирикание ее по воде, когда он начинает там "водить".) Или пошел назорил в окошках сорочьих яиц, испек в золе – сыт. Да мало ли! Будь попроворней да имей башку на плечах – можно и самому прокормиться, и домой принести. Но зима!.. Будь она трижды проклята, эта зимушка-зима!.. И воеет над крышей, хлопает плахами... Все тепло, какое было с утра в избе, все к вечеру высвистит, сколько ни наваливай на порог, под дверь, тряпья, как ни старайся утеплить окна. Или наладятся такие морозы, что в сенцах трескотня стоит и, кажется, вот-вот, еще маленько поддаст, и полопаются стекла в окнах. Выскочишь на минуту в ограду, в пригон – тебя точно в сугроб голенького, и рот ледяной ладошкой запечатают. А в притоне – корова... Вот горе-то: сена в обрыз, ей жевать и жевать в такую стужу, а где возьмешь, зиме еще конца не видно. Сделаешь свое малое дело и пулей опять в избу – от холода жгучего, в нестерпимой боли за

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru корову: чтоб уж хоть не видеть ее, понурую, всю в инее, с печальными глазами. И в избе нет покоя: тут – худо-бедно – согреешься, а она там стоит... И только на ночь дадим ей охапку сена, и все. И так и видишь все время бесконечно печальные коровьи глаза – прямо в душу глядят. Она ведь кормилица. Она по весне принесет молоко и телят – это такая суматошная радость в эти дни, когда наша Райка (корова) вот-вот отелится. Тут весна, теплеет уже, а тут скоро заскользит по полу нежными копытцами, может, Бог даст, телочка. (Мы в прошлом году сдали телочку в колхоз. Нам дали муки, много жмыха и чайник меда. Долго, конечно, такого праздника ждать – лето, зиму и еще лето, но тем он и дороже, праздник-то. Да и есть, что ждать.) В такие дни, весной, у нас в избе идет такой тарарам, что душа заходится от ликующего, делового чувства. Я то и дело выскакиваю посмотреть Райку, щупаю ее теплое брюхо, хоть ни шиша не смыслю в этом. Таля тоже бегают со мной, тоже щупают Райкино брюхо... Райка, повернув голову, смотрит на нас дымчато-влажными глазами, нежными глазами – она тоже ждет телят, она, наверно, понимает наше суетливое беспокойство.

– Вань, скоро?

– Ночью, наверно, опростается.

Всю ночь у нас горит свет; мама ходит к Райке, тоже щупает ее брюхо...

Приходит и говорит:

– Прямо близко уже... Слышно: толкается ногами-то, толкается, а все никак. Уж не беда ли с ней? Матушка – царица небесная, не допусти до смерти голодной. Куда мы тогда денемся?

Тревожная, страшная ночь.

И рано поутру наш дедушка смотрит Райку и говорит нам всем:

– Чего заполошничаете-то? Сегодня к ночи только... Детей пужаешь, дуреха! – Это он на маму, потому что к утру мы с Талей бываем зареванными. Сколько счастья приносил нам дедушка!

А теперь – еще зима. Я на стенке начертил в ряд несколько палочек, сколько осталось дней до марта. Вычеркиваю вечерами по одной, но их еще так много!

Но бывала у меня одна радость – неповторимая, большая – и зимой: в долгие зимние вечера я читал на печке маме и Тале книги.

С книгами у меня целая история. Я каким-то образом научился читать до школы: учил меня дядя Павел (тот сам читать страсть как любил и даже пытался сочинять стихи и, говорит, когда он был на войне, то некоторые его стихи печатали во фронтовой газете. Наверно, неправду говорит, он прихвастнуть любит: когда мне теперь попала тетрадка его стихов, они поразили меня своей бестолковщиной)... Словом, как только я еще и в школе поднатерел и стал читать достаточно хорошо, я впился в книги. Я их читал без разбора, подряд, какие давала библиотекарша. Она удивлялась и не верила:

– Уже прочитал?

– Прочитал.

– Неправда. Надо, мальчик, до конца читать, если берешь книга. Вот возьми и дочитай.

Что с ней было делать? Брал книжку обратно, терпел дня два и шел опять. Потом я наловчился воровать книги из школьного книжного шкафа. Он стоял в коридоре, шкаф, и когда летом школу ремонтировали, в коридор – вечерком, попозже – можно было легко проникнуть. Дальше – еще легче: шкаф двустворчатый, два колечка на краях створок, замок с дужкой... Приоткроешь створки – щель достаточна, чтоб пролезла рука: выбирай любую! Грех говорить, я это делал с восторгом. Я потом приворовывал еще кое-что по мелочи, в чужие огороды лазил, но никогда такого упоения, такой зудящей страсти не испытывал, как с этими книгами.

Маме нравилось, что я много читаю. Но вот выяснилось, что учусь я в школе на

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru редкость плохо. Это пришла и рассказала учительница. Они с мамой тут же установили причину такого страшного отставания – книги. (Парень-то я был не такой уж совсем дремучий.) А тут еще какая-то дура сказала маме, что нельзя, чтобы парнишка так много читал, что бывает – зачитываются. Мама начала немилосердно бороться с моими книгами. Из библиотеки меня выписали, друзьям моим запретили давать мне книги, которые они берут на свое имя. Они, конечно, давали. Мама выследила меня дома, книжки отняла, меня выпорола... Я стал потихоньку снимать, с чердака книги, украденные раньше в школьном шкафу. (Эта лавочка со школьными книгами к тому времени для меня кончилась: обнаружили пропажу, переделали замок. В краже книг обвинили плотников: зачем они на свои самокрутки достают и дерут книги, которые так нужны школе. Для этого есть старые газеты. Плотники клялись, что они ни сном ни духом не ведают, куда девались книги – они не брали.) Я снимал книги с чердака и перечитывал уже читанное. Я делал это так: вкладывал книгу в обложку задачника и спокойно читал. Мама видела, что у меня в руках задачник, и оставляла меня в покое и еще радовалась, наверно, что я сел наконец за уроки. Подумай она нечаянно, что нельзя же так подолгу, с таким упоением читать задачник – подумай она так, мне опять была бы выволочка.

На мое счастье, об этой возне с книгами узнала одна молодая учительница из эвакуированных ленинградцев (к стыду своему, забыл теперь ее имя), пришла к нам домой и стала беседовать со мной и с мамой. (Наши женщины, все жители села очень уважали ленинградцев.) Ленинградская учительница узнала, как я читаю, и разъяснила, что это действительно вредно. А главное, совершенно без всякой пользы: я почти ничего не помнил из прочитанной уймы книг, а значит, зря угробил время и отстал в школе. Но она убедила и маму, что читать надо, но с толком. Сказала, что она нам поможет: составит список, и я по этому списку стану брать книги в библиотеке. (Читал я действительно черт знает что: вплоть до трудов академика Лысенко – это из ворованных. Обожал также брошюры – нравилось, что они такие тоненькие, опрятные, отчесал за один присест и в сторону ее.) С тех пор стал я читать хорошие книжки. Реже, правда, но всегда это был истинный праздник. А тут еще мама, а вслед за ней и Таля тоже проявили интерес к книгам. Мы залезали вечером все трое на обширную печь и брали туда с собой лампу. И я начинал... Господи, какое жгучее наслаждение я испытывал! Точно я прожил большую-большую жизнь, как старик, и сел рассказывать разные истории моим родным, крайне заинтересованным благородным людям. Точно не книгу я держу поближе к лампе, а сам все это знаю. Когда мама удивлялась: "Ах ты, Господи! Гляди-ка! Вот ведь что на свете бывает!" – я чуть не стонал от счастья и торопливо и несколько раздраженно говорил: "Да ты погоди, ты послушай, что дальше будет!" – А что дальше, Вань? – вылетала со своим языком курносая Таля. Я шипел на нее, обзывая "дурой", мама строго говорила, что так не надо.

– А чего она!..

– Ну раз мы не понимаем, мы и спрашиваем. А ты не сердись, а рассказывай – ты же знаешь. Тебя разве учительница обзывает дураком?

– Да как можно же сообразить, что я еще сам пока не знаю, что будет дальше!

– Она маленькая. Читай-ка дальше.

Ах, какие это были праздники! (Я тут частенько восклицаю: счастье, радость! праздники!.. Но это – правда, так было. Может, оттого, что – детство. А еще, я теперь догадываюсь, что в трудную, горькую пору нашей жизни радость – пусть малая, редкая – переживается острее, чище.) Это были праздники, которые я берегу – они сами сберегаются – всю жизнь потом. Лучшего пока не было.

Вот что только омрачало праздники: мама, а вслед за ней Галя скоро засыпали. Только разохотишься, только наладишься читать всю ночь, глядь, уж мама украдкой зеваает. А вслед за ней и ее копия тоже ладошечкой рот прикрывает – подражает маме. Я чуть не со слезами смотрю на них.

– читай, читай! Что, уж зевнуть нельзя?

– Да ведь поспете сейчас!

– Не поспем. Читай знай.

Но я знаю – поспут. Читаю дальше... Мама борется со сном, глаза ее закрываются,

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru она слабеет. Эх!.. Еще минута-две, и мои слушательницы крепко спят. Сижу, горько обиженный... Невдомек было дураку: мама наработалась за целый день, намерзлась. А этой, маленькой, ей эти мои книжки – до фонаря: она хочет быть похожей на маму, и все. Пробую читать один – не то. Да и в сон тоже начинает клонить... И еще одно, что тревожило праздники: мысль о Райке. Вот она скоро доест, свою охапку сена и будет стоять мерзнуть до утра. От этой мысли самому холодно и горько, и совестно становится на теплых кирпичках. И маму тоже больно тревожила эта же мысль, и она нет-нет да вздохнет, когда я читаю.

Я знаю, о чем она. Но что делать, что делать! Где его возьмешь, сена?

В один такой вечер мы читали "Вия". Я, сам замирая от страха, читал:

– "Он дико взглянул и протер глаза. Но она, точно, уже не лежит, а сидит в своем гробу. Он отвел глаза свои и опять с ужасом обратил их на гроб. Она встала... идет по церкви с закрытыми глазами, беспрестанно расправляя руки, как бы желая поймать кого-нибудь.

Она идет прямо к нему..." Первой не выдержала мама.

– Хватит, сынок, не надо больше. Завтра дочитаем.

– Давай, мам...

– Не надо, ну их... Вот завтра дедушку позовем ночевать, и ты нам опять ее всю прочитаешь. Как заглавие-то?

– Гоголь. Но тут разные, а эта – "Вий".

– Господи, Господи... Не надо больше.

Мы долго лежали со светом. Таля уже спала, а мы с мамой не могли заснуть. По правде говоря, я бы и сам не смог читать дальше. Вот так книга! Учительница отметила на листочке, какие читать в сборнике, а эту не отметила. А я почему-то (запретный плод, что ли?) начал именно с "Вия". И вот, пожалуйста: сразу непостижимый, душу сосущий, захватывающий ужас. И сил нет оторваться, и жутко. Хоть бы завтра дедушка не хворал, хоть бы он пришел, курил бы, лежал на лавке, накрывшись тулупом (он не мог спать на кровати под одеялом), хоть бы он... Мы бы... я бы снова стал читать этого "Вия" и дочитал бы до конца.

– Ты не бойся, сынок, спи. Книжка она и есть книжка, выдуманно все. Кто он такой, Вий?

– Главный черт. Я давеча в школе маленько с конца урвал.

– Да нету никаких Виев! Выдумывают, окаянные, – ребятишек пужать. Я никогда не слыхала ни про какого Вия. А то у нас старики не знали бы!..

– Так это же давно было! Может, он помер давно.

– Все равно старики все знают. Они от своих отцов слыхали, от дедушек... Тебе же дедушка рассказывает разные истории? – рассказывает. Так и ты будешь своим детишкам, а потом, может, внукам..

Мне смешно от такой необычайной мысли. Мама тоже смеется.

– Вот чего, – говорит она, – побудьте маленько одни, я схожу сено подберу. Давеча везла да в переулке у старухи Сосниной сбросила навильник. Она подымается рано – увидит, подберет. А жалко – добрый навильник-то. Посидишь, ничего?

– Посижу, конечно,

– Посиди, я скоренько. Огонь не гаси. С печки не слась.

Мама торопливо собралась, еще сказала, чтоб я никого не боялся, и ушла. Я стал думать, что я опять не отдал должок (семнадцать бабок) Кольке Быстрову – чтоб не думать про Вия. Тоже невеселая дума (неделю уже не могу отдать), но уж лучше про это, чем... Но мысли мои упрямо возвращаются к Вию; возникает неодолимое желание

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru посмотреть вниз, в темный угол. Я начинаю отчаянно бороться с этим желанием, отвернулся к Тале, внушаю себе знакомое: на печке никакая нечистая сила не страшна, на печку они не могут залезть, им не дано, они могут сколько им влезет звать, беситься, стращать внизу, но на печку не полезут, это проверено. Покрутятся до первых петухов и исчезнут. Лежу и стараюсь повеселей думать об этом. Но точно кто за волосы тянет – затылок сводит от желания посмотреть вниз, в угол. Сил моих нет бороться. И уж думаю: ну, загляну! Пусть они попробуют на печку залезть. Пусть они только попробуют... И тут я слышу в сенях торопливые шаги. Я цепенею от ужаса... Кто там? Мама еще до старухи Сосниной не дошла... Вот уж за скобку взялись... Я дернул одеяло на себя, укрылся с головой – чтоб только не видеть... Господи, Господи!.. Учиться хорошо буду, маму слушаться... Дверь открылась, и я слышу мамин голос, потревоженный скорой ходьбой:

– Спишь, сынок?

С сердца схлынул мгlistый, цепкий холодок жути.

– Ты, мам? Ты чего скоро-то?

– Да я подумала: чего же я одна-то пошла, мне же одной-то не донести – навильник-то добрый... Пойдем-ка возьмем веревки, навяжем две вязанки да принесем. Жалко бросать-то. Таля-то спит?

Я мигом слетаю с печки.

– Спит. Я сейчас... Она сроду не проснется!

И вот мы идем темной улицей близко друг к другу... Молчим. Поспешаем. Я считаю, сколько еще домов осталось до старухи Сосниной. Пять. Вот – переулочек. Тут – четыре избы и длинный огород этой самой старухи.

– Сено-то доброе! Прямо пух... Жалко оставлять-то. Давечь никого в переулке-то не было, я и сбросила с воза. Чего им, колхозным-то? Им-то до весны с лишком хватит...

– Если хороший навильник – раза на три хватит дать.

– Там на четыре хватит. Я ишо там, когда накладывались, подумала: может, запоздаем в деревню-то – стемнеет, поедем переулком, я и сброшу. Да и положила поверх бастырка здоро-о-вый навильник.

– А если б в переулке кто-нибудь бы оказался?

– Ну, тогда что ж... отвезла бы в бригаду. Тут уж ничего не сделаешь.

– Ух, она же и поест у нас сейчас! Свеженького-то... Сразу согреется. Сразу ей дадим?

– Знамо, сразу! Дармовое...

Ну вот она, старухина изба. У нее там – между избой и баней – есть такой закоулок... Летом там крапива растет в рост человеческий, а зимой сохлые стеблины торчат из снега, чернеют – вечером и то никакого сена не разглядишь, не то что ночью.

Мы скоро навязываем две большие вязанки... Сено пахучее, шуршит в руках, колетя. Так и вижу нашу Райку – как она уткнет свою морду в это добро.

Идем назад. И тут – черт ее вынес, проклятую, – собака Чуевых: подбежала, невидная, неслышная, да как гавкнет. Я подскочил, но вязанки не выронил... А мама выронила свою и села на нее. Едва оправилась от страха, пошли. Мама ругается:

– Вот гадина!.. У меня чуть разрыв сердца не случился. Ты-то как, сынок?

– Да ничего. Ноги маленько ослабли сперва, а сейчас ничего.

Некоторое время еще идем.

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru – Может, подбежим, сынок? Оно скорей дело-то будет. А то Таля бы там не проснулась...

– Давай.

И вот мы трусим по улице. Мне смешно, как вязка – точно большой темный горб – подскакивает на маминой спине.

Райка мыкнула, услышав нас... Я распустил свою вязанку и бухнул ей в ноги большую охапку. Райка мотнула головой и захрумтела вкуснейшим сенцом.

– Ешь, милая, ешь, – говорит мама. – Ешь, родимая. – И чего-то всплакнула и тут же вытерла слезы и сказала: – Ну, пошли, Вань, а то Талюха там... Дело сделали!

Талья спит! Даже не пошевельнулась, пока мы шумно и весело раздевались и залезали на печку.

"Здорово, Вий!" – сказал я про себя и посмотрел вниз, в дальний темный угол.

Весны-то мы кое-как дождались, а вот Райки у нас не стало... У меня и теперь не хватает духу рассказать все подробно. У нас уж в избе раскорячился теленочек – телочка! – цедил на соломенную подстилку тоненькую бесконечную струйку. Мы ели картошку и запивали молочком.

Сена, конечно, не хватило. А уж вот-вот две недели – и выгонять пастись. Только бы эти две недели как-нибудь... Мама выпрашивала у кого-нибудь по малой вязанке, но чего там! Райке теперь много надо: у ней теперь молоко. И мы ее выпускали за ворота, чтобы она подбирала по улице: может, где клочок старого вытает или повезут возы на колхозную ферму и оставят на плетнях... Иногда оставляют на кольях по доброй горсти. Так она у нас и ходила. А где-то, видно, забрела в чужой двор, пристроилась к стожку... Стожки еще у многих стояли: у кого мужики в доме, или кто по благу достал воз, или кто купил, или... Бог их там знает. Поздно вечером Райка пришла к воротам, а у ней кишки из брюха висят, тащатся за ней: прокололи вилами.

Вот... Значит, надо ждать телочку, пока она вырастет. Назвали ее тоже Рая.

Жатва

Год, наверное, 1942-й. (Мне, стало быть, 13 лет.) Лето, страда. Жара несусветная. И нет никакой возможности спрятаться куда-нибудь от этой жары. Рубаха на спине накалилась и, повернешься, обжигает.

Мы жнем с Сашкой Кречетовым. Сашка старше, ему лет 15-16, он сидит "на машине" – на жнейке (у нас говорили – жатка). Я – гусевым. Гусевым – это вот что: в жнейку впрягалась тройка, пара коней по бокам дышла (водила или водилины), а один, на длинной постромке, впереди, и на нем-то в седле сидел обычно парнишка моих лет, направляя пару тягловых – и, стало быть, машину – точно по срезу жнивья.

Оглушительно, с лязгом, звонко стрекочет машина, машет добела отполированными крыльями (когда смотришь на жнейку издали, кажется, кто-то заблудился в высокой ржи и зовет руками к себе); сзади стоячей полосой остается висеть золотисто-серая пыль. Едешь, и на тебя все время наплывает сухой, горячий запах спелого зерна, соломы, нагретой травы и пыли – прошлый след, хоть давешняя золотистая полоса и осела, и сзади поднимается и остается неподвижно висеть новая.

Жара жарой, но еще смертельно хочется спать: встали чуть свет, а время к обеду. Я то и дело засыпаю в седле, и тогда не приученный к этой работе мерин сворачивает в хлеб – сбивает стеблями ржи паутов с ног. Сашка орет:

– Ванька, огрею!

Бичина у него длинный – может достать. Я потихоньку матерюсь, выравниваю коня... Но сон, чудовищный, желанный сон опять гнет меня к конской гриве, и сил моих не хватает бороться с ним.

– Ванька!.. – Сашка тоже матерится. – Я сам с сиденья валюсь! У меня у самого

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
счас кровоизлияние мозга будет! Потерпи!

– Давай хоть пять минут поспим?! – предлагаю я.

– Еще три круга – и выпрягаем.

Три огромных круга!.. А машина стрекочет и стрекочет, и размерно шагает конь, и дергает повод, и фыркает, и на голову точно масляный блин положили, и горячее масло струйками стекает под рубаху, в штаны... Там, где сидишь в седле, мокро, все остальное раскалилось, тлеет.

– А, Сань?! А то упаду под жатку, вот увидишь!

Сашку допекло тоже; он еще немного хорохорится, поет песни, потом натягивает вожжи.

– Тр-р! Пять минут, Ванька! А то застукают.

Господи, да больше и не надо! Это и так вечность. Падаю с коня, на карачках отползаю подальше в рожь – на тот случай, если кони сами тронут, то чтоб не переехало машиной – успеваю еще подумать про это... Потом горячая, пахучая земля приникла к лицу, прижалась; в ушах еще звон жнейки, но он скоро слабеет, над головой тихо прошуршали литые, медные колоски – и все. Мир звуков сомкнулся, я отбыл в мягкую, зыбучую тишину. Еще некоторое время все тело вроде слегка покачивается, как в седле, приятно гудит кровь, потом я бестелесно куда-то плыву и испытываю блаженство. Странно, я чувствую, как я сплю – сознательно, сладко сплю. Земля стремительно мчит меня на своей груди, а я – сплю, я знал это. Никогда больше в своей жизни я так не спал – так вот – целиком, вволю, через край.

Сколько мы спали, не знаю, только проснулся я вдруг, с ощущением близкой опасности; сразу как-то, как от толчка, всплыл из глубины небытия на поверхность... Кто-то кричал... Я вскочил. Нас все же застукали: сам председатель колхоза Иван Алексеич бегал по стерне за Сашкой, но так как одна нога у председателя деревянная, то догнать Сашку, конечно, он не мог, и только издали грозил плетью и ругался. Увидев меня, председатель кинулся было за мной, но я так дернул с места, что он сразу остановился.

– Контры! Вы мне ответите!.. Садитесь жать счас же!

– Отойди от жатки, тогда сядем. – Сашке, видно, попало разок председательской плетью – он почесывал спину.

– Счас же у меня садитесь! Вы што, под статью меня подвести хотите?!

– Отойди от жатки...

Председатель, ругаясь, пошел к своему легкому коробку, который стоял в стороне.

Опять заскрипела, заскрежетала жнейка, опять наладилось жечь солнце, но теперь на душе куда легче, даже весело: малость урвали.

Председатель еще постоял немного, посмотрел на нас и уехал.

Станный он был человек, Иван Алексеич, председатель. Эта нога его – это ему давно еще, молотилкой: хотел потуже вогнать сноп под барабан, и вместе со снопом туда задернуло ногу. Пока успели скинуть со шкива приводной ремень, ногу всю изодрало зубьями барабана, потом ее отняли выше колена. Мы его нисколько не боялись, нашего председателя, хоть он страшно ругался и иногда успевал жогнуть плетью. Мы не догадывались тогда, что народ мы еще довольно зеленый, всю ругались по-мужичьи, и с председателем – тоже. С нами было нелегко. Как я теперь понимаю, это был человек добродушный, большого терпения и совестливости. Он жил с нами на пашне, сам починял веревочную сбрую, длинно матерился при этом... Иногда с силой бросал чиненую-перечиненую шлею, топтал ее здоровой ногой и плакал от злости.

В тот день председатель здорово насмешил нас.

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Съехали мы поздно вечером к бригадному дому, расселись кто где хлебать затируху (мелкие кусочки теста, крошки, сваренные в воде). Потом должно быть собрание: у председателя много накопилось фактов нашего безобразного поведения: кто-то еще, кроме нас с Сашкой, спал на полосе, кто-то накануне, вечером, самовольно бегал домой в баню, кто-то, дожав клин, гонялся с бичом за перепелками – терял драгоценное время...

Председатель, пока мы ужинали, застелил красным сукном длинный стол под навесом, сидел один за столом, строго поглядывал в нашу сторону – ждал: предстояла "накачка".

Мы ополоснули чашки, закурили и приготавились слушать.

– Сегодня четыре оглоеда, – начал председатель, – спали на полосе. Это: Санька Кречетов, Илюха Чумазый, Ванька Попов и Васька-безотцовщина. Вы што, соображаете?! А этот верзила... Колька, я про тебя! – в баньку ему, вишь, захотелось!

(Колька, Моисеев внук, поймал у меня вчера на рубахе вшу и подговаривал вместе бежать вечером в деревню в баню, а к свету вернуться. Я отказался.) – Попариться ему, вишь, захотелось, жеребцу! Дубина такая... Ты всю ночь-то пробегаешь туда-сюда, а днем – спать на полосе!

– Я не спал.

– Я посплю вам! Я вам посплю, дьяволы! Вы у меня ишо скирдовать в ночь будете.

Далеко, за лесом, медленно опускается в синие дымы большое красное солнце; хорошо на земле, задумчиво, покойно. Под председательским столом, свернувшись калачиком, мирно спит Борзя, наш бесконечно добрый, шалавый кобель.

Председатель никак не может разозлиться, вяло у него получается – никакого интереса. Мы клюем носами.

– Дальше: што это за моду взяли – перепелок стегать?! Живодеры... Первое: они всяких личинок уничтожают... Да время же теряете, черти! Пока ты ее догонишь да угодишь бичом – времени-то сколько уходит! Дальше: Ленька-японец наехал, сукин сын, на пенек, порвал пилу. Оглазел?! Скину вот трудодней пятнадцать, будешь вперед смотреть! Ехай счас прямо в кузню – штоб завтра, как только дед Макар проснется, пилу мне склепали.

Ленька-японец радешенек: дома побудет. Везет недомерку! Не нарочно ли на пень-то наехал? Но он хитрый, радости не показывает, а виновато хмурится.

– Дальше: еслив ишо кого увижу...

Тут-то нанесло неожиданного: на дороге, из-за взгорка, показались дрожки уполномоченного – мы хорошо знали его жеребца. К нам едет.

Эх, как вскочил тут наш председатель (он ужасно боялся уполномоченного), да как застучал кулаком по столу, как закричал:

– Я давно уж замечаю среди вас контр... контр...

А деревяшкой своей председатель наступил Борзе на хвост; Борзя взвыл блажным голосом. Председателю надо перекричать собаку, он кричит:

– Давно уж я замечаю среди вас контрреволюционные элементы!

Собака воет, крутится под столом; председатель почему-то не может сойти с нее – то ли от волнения, то ли... Бог его знает. Добрый Борзя начал кусать деревяшку; мы корчимся от смеха: до того уморительная картина. (Потом, когда мы вспоминали эту историю, Ленька-японец сознался, что у него случилась тогда посикота – написал в штаны от смеха.) Уполномоченный подъехал. Глядит на нас, ничего не может понять. Председатель быстро пошел навстречу ему. Ошалевший Борзя с визгом вылетел из-под стола, кинулся бежать... Да прямо в ноги райкомовскому жеребцу. Красавец жеребец дико всхрапнул, дал в дыбы – чуть из хомута не вылез. Уполномоченный вскочил из коробка; председатель поскакал было на деревяшке за Борзей, потом вернулся, стал

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru успокаивать жеребца.

Мы все лежали вповал. Мы тоже побаивались уполномоченного, но тут ничего не могли с собой сделать – умирали от смеха.

– В чем дело?! – строго спросил уполномоченный.

– Это.. собрание у нас – насчет итогов, – пояснил Иван Алексеич. – С собакой маленько комедия вышла.. – И закричал на нас: – Завтра же убрать этого блохастого!..

– Я вижу, что комедия, а не собрание. Может, рано веселиться-то?! – спросил у нас уполномоченный. – Может, наоборот, плакать надо?!

Мы постепенно затихли. Вот теперь, кажется, будет "накачка" настоящая. Но уполномоченный почему-то отменил собрание. Неожиданно добрым голосом сказал:

– Ладно: поработали, посмеялись – идите спать.

Спали мы в доме на нарах. Долго еще не могли успокоиться в тот вечер, вспоминали Борзю, Ивана Алексеича, хохотали в подушки. Иван Алексеич беседовал у огонька с уполномоченным.. Раз два он входил к нам и сердито шипел:

– Вы будете спать? Опять завтра не добудисься!.. Оглоеды. Хоть бы человека постеснялись.

Потом уполномоченный уехал.

Мы один за другим проваливаемся в сон..

Когда я – позже других, последним, наверно, – выхожу до ветра, уже светит луна и где-то близко вскрикивает ночная птица.

Председатель сидит у костра, тихонько звякает ложкой об алюминиевую чашку – хлебает затируху. Протез его отстегнут, лежит рядом.. Худая култышка как-то неестественно белеет на траве. Иван Алексеевич часто склоняется и дует на нее – видно, до боли натрудил за день, теперь она, горячая, отдыхает.

А вокруг тепло и ясно; кто-то высоко-высоко золотыми гвоздями пришел к небу голубое полотно, и сквозь него сквозит, льется нескончаемым потоком чистый, голубовато-белый легкий свет.

И все вскрикивает в согре какая-то ночная птица – зовет, что ли, кого?

Бык

Одно время работал я на табачной плантации, на табачке, у нас говорили. Поливал табак.

Воду надо было возить из согры.

Как только солнце подымалось, мы запрягали в водовозки быков и весь день возили воду.

Бык у меня был на редкость упрямый и ленивый. Сбруя – веревочная, то и дело рвется. Едешь на взвоз, бык поднатужится – хомут пополам. А бык шагает дальше. А я с бочкой посередеь дороги стою. Догоняю быка, заворачиваю, кое-как связываю хомут, запрягаю, и с грехом пополам выезжаем на взвоз. Несколько раз он меня переворачивал с бочкой. Идет, идет по дороге, потом ему почему-то захочется свернуть в сторону. Свернул – бочка набок. Я бил его чем попало. Бил и плакал от злости. Другие ребята по полтора трудодня в день зашибали, я едва трудодень выколачивал с таким быком.

Я бил его, а он спокойно стоял и смотрел на меня большими глупыми глазами. Мы ненавидели друг друга.

Один раз – после обеда – надо запрягать, моего быка нет. Бригадир Петрунька Яриков, косой маленький мужик, орет на меня:

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– куда же он у тебя девался-то, мать-перемать?! В землю, что ли, провалился?

Я ополекал все закоулки, все укромные места – нет быка. Ну, думаю, только бы мне найти тебя, змей, я тебе покажу Нашел в просе – лежит, отдувается в холодке. Я прямо с разбегу сапогом ему в морду. Как он мэкнет, как вскочит да как даст мне под зад! Я отлетел метра на три и подумал, что я уже мертвый. А он раскорячил ноги, нагнул голову и смотрит на меня. Я тоже смотрю на него. Мне показалось, что мы долго так смотрели друг на друга. Я боялся пошевелиться. Думаю, как с собакой: встанешь, он опять кинется. Потом все-таки потихоньку стал подниматься... Бык стоит. Смотрит. Я поднялся и пошел от него задом. Кое-как доковылял до бригады. Задница огнем горит... Хорошо, еще не рогом попал (они у него широченные, лбом угодил), – сидеть бы мне у него на голове, как спону на вилах.

Бригадир разозлился на быка, вырвал из телеги железный курок и побежал в просо. Через пять минут видим, летит наш бригадир сломя голову, за ним бык. Бежит бригадир и орет:

– Стреляйте в него! Стреляйте, что вы стоите?! Спорет ведь он меня!..

Забыл с перепугу, что ружья ни у кого нет – у нас их позабирали, как началась война.

Ребятишки и бабы, увидев разъяренного быка, – кто куда, врассыпную. Я лежал на животе возле избушки. Бык протопал мимо – не обратил внимания. Видно, Петрунька с железным курком насолил ему здорово. Пробежал бык совсем близко, аж земля задрожала. У меня сердце в пятки ушло.

Петрунька туда – бык за ним, Петрунька сюда – бык за ним, гоняет его по ограде. Загнал в угол. Петрунька, как птица, взлетел на плетень – и на ту сторону. Бык, не останавливаясь, с ходу саданул рогами в плетень, вырвал его с кольями, и пронес, и сбросил. Тогда только остановился. Ему накинули волосяную петлю на шею, стянули, измучили, потом продели веревку в кольцо и привязали к столбу.

По давней традиции (она, как ни странно, сохранялась и в войну) после того, как табак уберут с плантации, высушат и свезут в город на табачную фабрику, бригада гуляет. Валили какую-нибудь скотину, варили, жарили... Привозили из деревни самогонку и – начиналось.

На этот раз забили моего быка. Трое мужиков взяли его и повели на чистую травку – неподалеку от избушки. Бык покорно шел за ними. А они несли кувалду, ножи, стираную холстину... Я убежал из бригады, чтобы не услышать, как он заревет. И все-таки я услышал, как он взревел – негромко, глухо, коротко, как вроде сказал: "Ой!" К горлу мне подступил горький комок; я вцепился руками в траву, стиснул зубы и зажмурился. Я видел его глаза... В тот момент, когда он, раскорячив ноги, стоял и смотрел на меня, повергнутого на землю, – пожалел он меня тогда, пожалел.

Мяса я не ел – не мог. И было обидно, что не могу как следует наестся – такой "рубон" нечасто бывает.

Самолет

Мы, четверо пацанов: Шуя, Жаренок, Ленка и я, шагаем с сундучками в гору. Поступаем в автомобильный техникум. Через три с половиной года будем техниками-механиками по ремонту и эксплуатации автотранспорта. Техникум – в городе, точнее, за городом, километрах в семи, в бывшем монастыре. Идти надо обрывистым правым берегом широкой реки. Это мой второй приезд в этот город. Душа потихоньку болит – тревожно, охота домой. Однако надо выходить в люди. Не знал я тогда, что навсегда уйду из родного села. То есть буду еще приезжать потом, но – так, отдышаться... Вот уж не знал!

Городские ребята не любили нас, деревенских, смеялись над нами, презирали. Называли "чертями" (кто черти, так это, по-моему, – они) и "рогальями". Что такое "рогаль", я по сей день не знаю и как-то лень узнавать. Наверно, тот же черт – рогатый. В четырнадцать лет презрение очень больно и ясно сознаешь и уже чувствуешь в себе кое-какую силенку – она порождает неодолимое желание мстить. Потом, когда освоились, мы обижать себя не давали. Помню, Шуя, крепкий парень, подсадный и хлесткий, закатал в лоб одному городскому журавлю, и тот летел – только что не курлыкал. Жаренок в страшную минуту, когда надо было решиться,

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru решился – схватил нож... Тот, кто стоял против него – тоже с ножом, – очень удивился. И это-то – что он только удивился – толкнуло меня к нему с голыми кулаками. Надо было защищаться – мы защищались. Иногда – так вот – безрассудно, иногда с изобретательностью поразительной.

Но это было потом. Тогда мы шли с сундучками в гору, и с нами вместе – налегке – городские. Они тоже шли поступать. Наши сундучки не давали им покоя.

– Чяво там, Ваня? Сальса шматок да мядку туясок?

– Сейчас раскошелитесь, черти! Все вытряхнем!

– Гроши-то куда запрятали?.. Куркули, в рот вам пароход!

Откуда она бралась, эта злость – такая осмысленная, не четырнадцатилетняя, обидная? Что, они не знали, что в деревне голодно? У них тут хоть карточки какие-то, о них думают, там – ничего, как хочешь, так выживай. Мы молчали, изумленные, подавленные столь открытой враждебностью. Проклятый сундучок, в котором не было ни "мядку", ни "сальса", обжигал руку – так бы пустил его вниз с горы.

А на горе, когда поднялись, на ровном открытом месте стоял... самолет. Да так близко! Там был аэродром. И так он неожиданно открылся, этот самолетик, так близко стоял, и никого рядом не было – можно подойти и потрогать... Раньше нам приходилось – редко – видеть самолет в небе. Когда он летел над селом, выскакивали из всех домов, шумели: "Где?! Где он?" Ах ты, Господи!.. Я так и ахнул. Да все мы слегка ошалели. И городские – тоже. Что уж, так каждый день видели они их, самолеты? Но они скоро взяли себя в руки, притворяшки.

– Кукурузник, сука.

– Сидит... Горючего, наверно, нет.

И пошли, не глядя больше на самолет.

Мы пошли за ними и тоже старались не смотреть на самолет: нельзя было показать, что мы – действительно такая уж совсем непролазная "деревня". А ничего же ведь не случилось бы, если бы мы маленько постояли, посмотрели. Но мы шли и не оглядывались. Когда я не выдержал и все-таки оглянулся, меня кто-то из наших крепко дернул за рукав.

Он мне, этот самолет, снился потом. Много раз после приходилось ходить горой, мимо аэродрома, но самолета там не было – он летал. И теперь он стоит у меня в глазах – большой, легкий, красивый... Двукрылый красавец из далекой-далекой сказки.

Письмо

В 1988 году Л.Н. Федосеева-Шукшина передала для публикации в газету "Советская Россия" (27 июля 1988года) рукопись рассказа "Письмо", не публиковавшегося ранее. Хотя оригинал рукописи носит следы авторской правки, дата написания рассказа отсутствует. По свидетельству Л.Н. Федосеевой-Шукшиной он был написан Василием Макаровичем в самом начале 70-х годов. Шукшин не включил его ни в последний из прижизненных сборников, ни в тот, что вышел в издательстве "Молодая гвардия" вскоре после его смерти. Судя по имени главного героя (Иван П.), рассказ предназначался для цикла "Из детских лет Ивана Попова". Однако по каким-то причинам рассказ остался в архиве писателя. Требовательный к себе художник Шукшин отложил чем-то не удовлетворявшие его странички рукописи, намереваясь вернуться к ним в будущем. Об этом свидетельствует знак плюс, стоящий рядом с заголовком.

В пятнадцать лет я писал свое первое письмо любимой. Невероятное письмо. Голова у меня шла кругом, в жар кидало, когда писал, но-писал. Как я влюбился.

Она была приезжая – это поразило мое воображение. Всегда почему-то поражало. И раньше, и после – всегда приезжие девушки заставляли меня волноваться, выкидывать какие-нибудь штучки, чтобы привлечь к себе их внимание. Для меня они всякий раз как бы выходили из книжки, и я моментально переставал быть самим

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru собой: напускал равнодушие, хранился не в меру, плевал с высоты колокольни на то, как обо мне подумают.. А подходить к ним боялся. И мучился стыдом, когда оставался один: кажется, они все-таки замечали, что я выламываюсь. Сам я замечал, когда люди притворяются, и даже и за них – со стороны – бывало стыдно. Но как только появлялась приезжая, я ничего не мог с собой поделаться – выламывался.

На этот раз я разволновался очень. Все сразу полюбились мне в этой девочке: глаза, косы, походка... Нравилось, что она тихая, что учится в школе (я там уже не учился), что она комсомолка... А когда у них там в школе, один парень пытался из-за нее отравиться (потом говорили, только попугал), я совсем голову потерял.

Не помню теперь, как случилось, что я пошел провожать ее из клуба. Помню, была весна... Я даже не выламывался, молчал. Сердце в груди ворочалось, как картофеля в кипятке. Не верилось, что я иду с Марией (так ее все называли – Мария, и это тоже мне ужасно нравилось), изумлялся своей смелости, страшился, что она передумает и скажет: "Не надо меня провожать", и уйдет одна... И мучился – господи, как мучился! – что молчу. Молчу как проклятый. Ни одного слова не могу из себя выдавить. А ведь умел и приврать при случае, и...

На прощанье только прижал Марию крепче к груди и скорей – скорей домой – как на крыльях полетел. "Ну, гадство! – думал. – Теперь вы меня не возьмете!" Сильный был в ту ночь, добрый, всех любил.. И себя тоже. Когда кого-нибудь любишь, то и себя заодно любишь.

Потом я дня три не видел Марию, она не ходила в клуб. "Ничего, – думал, – я за это время пока осмелею". Успел подраться с одним дураковатым парнем.

– Провожал Марию? – спросил он.

– Ну.

– Гну! Хватит. Теперь я буду.

Колун парень, ухмылка такая противная... Но здоровый. Я умел "брать на калган" – головой бить. Пока он махал своими граблями, я его пару раз "взял на калган", он отстал.

А Марии – нет. (Потом узнали, что отец не стал пускать ее на улицу). А я думал, что ни капли ей не понравился, и она не хочет видеть меня, молчуна. Или-тоже возможно-опасается: выйдет, а я ей всыплю за то, что не хочет со мной дружить. Так делали у нас: не хочет девка дружить с парнем и бежит от него задом и переулками, пока не сыщется заступник.

И вот тогда-то и сел я за письмо.

"Слушай, Мария, – писал я, – ты что, с этим Иваном П начала дружить? Ты с ума сошла! Ты же не знаешь этого парня – он надсмеется над тобой и бросит. Его надо опасаться, как огня, потому что он уже испорченный. А ты девочка нежная.. А у него отец родной – враг народа, и он сам на ножах ходит. Так что смотри. Мой тебе совет: заведи себе хорошего мальчика, скромного, будете вместе ходить в школу и одновременно дружить. А этого дурака ты даже из головы выкинь – он опасный. Почему он бросил школу? Думаешь, правда, по бедности? Он побывал в городе, снюхался там с урками, и теперь ему одна дорожка – в тюрьму. Так что смотри. С какими глазами пойдешь потом в школу, когда ему выездная сессия сунет в клубе лет пять? Ты же со стыда сгоришь. Что скажут тебе твои родные мать с отцом, Там когда его повезут в тюрьму? Опасайся его. Никогда с ним не дружи и обходи стороной. Он знает с такими людьми, которые могут и квартиру вашу обчистить, тем более, что вы – богатенькие. Вот он на вас-то и наведет их. А случись – ночное дело – прирезать могут. А он будет смотреть и улыбаться. Ты никогда не узнаешь, кто это тебе написал, но написал знающий человек. И он желает тебе только добра".

Вот так.

Много лет спустя Мария, моя бывшая жена, глядя на меня грустными, добрыми глазами, сказала, что я разбил ее жизнь. Сказала, что желает мне всего хорошего, посоветовала не пить много вина – тогда у меня будет все в порядке.

Из детских лет Ивана Попова. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Мне стало нестерпимо больно – жалко стало Марию, и себя тоже. Грустно стало. Я ничего не ответил.

А письмо это я тогда не послал.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!